

Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

70 лет назад в нашей стране совершилась первая в мире социалистическая революция. В ходе ее были созданы социальные и политические основы государства нового типа. Была сломана традиционная, феодальная по происхождению и помещичье-капиталистическая по своей социальной сути государственная машина — основа царской власти и господства капиталистов и помещиков. Новая власть возникла как рабочая и крестьянская и стремилась к выражению подлинных интересов рабочих и крестьян. Деятельность молодого государства чрезвычайно осложнялась яростным сопротивлением классов, отстраненных от власти и столь недавно еще безраздельно господствовавших. Страна была вовлечена в многолетнюю гражданскую войну.

Советская Россия унаследовала от прошлого многие проблемы, которые предстояло решить в ходе революции и гражданской войны. Дело было не только в незавершенности буржуазной революции. Советское государство возникло в стране, истощенной мировой, а затем гражданской войнами и борьбой с иностранной интервенцией. Более того, социалистическая революция произошла в стране с многовековой отсталостью в экономическом, техническом и социальном отношениях, характерной даже для наиболее развитых наций европейской части страны. Россия была населена народами, находившимися на различных этапах исторического развития — от сохранявших родовую организацию (многие народы Севера) до вступивших на путь капиталистического развития.

В революционных декретах Советской власти было провозглашено политическое и социальное равноправие народов. Однако осуществить его на деле было крайне сложно — социальные структуры народов России были не только различными, но и разнотипными, разнотадальными.

Чрезвычайно различались традиции материальной и духовной культуры, социальной организации, обряды, обычаи, фольклор и народное искусство и степень приобщенности к современным профессиональным формам культуры. Разобщенности народов способствовало разноязычие, а также резкие конфессиональные различия (христианство в его православном, католическом и протестантском вариантах, мусульманство в суннитском и шиитском вариантах, иудаизм, различного рода «языческие» религиозные системы и т. д.). Для того чтобы обеспечить всем без исключения народам равные политические права и равные возможности культурного развития, предстояло помочь наиболее отсталым из них выбраться из архаического состояния, выравнять социальную структуру и материальные и духовные потребности.

Одним из важнейших условий осуществления этого грандиозного плана было приведение административно-государственной структуры в соответствие с реальным расселением народов.

Помимо необходимости установить справедливые границы отдельных союзных и автономных республик, областей и округов предстояло

разработать республиканские варианты общесоюзного законодательства, сформировать гибкую культурную политику и многое другое. Все это требовало знания истории народов, особенностей их этнического и культурного развития, быта, глубокого понимания сложившейся ситуации, т. е. специфических исторических, этнографических и социологических знаний.

Поэтому неудивительно, что в первые же годы Советской власти этнографы были вовлечены в решение актуальных политических проблем. Нужда в этнографах была очень велика. Практически была создана этнографическая служба страны (Комитет народов Севера, Центральное этнографическое бюро Наркомнаца СССР, секция «Человек» при Госплане СССР и др.; кроме того, еще в апреле 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран, в 1925 г. преобразованная в Комиссию по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран). Правда, она не была единой; различные организации с этнографическими функциями создавались по мере необходимости¹.

Следует сказать, что новые проблемы, вставшие перед страной в первые послереволюционные годы, не застали этнографов старшего поколения врасплох. Такие известные ученые, как Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Е. Г. Кагаров, Д. К. Зеленин, В. Н. и Н. Н. Харузины, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. К. Азадовский, Н. М. Маторин, целая когорта востоковедов стали активно сотрудничать с революционным правительством. Большую роль при этом играли давние демократические традиции российской этнографии, получившие свое дальнейшее развитие в советское время. Названные этнографы и многие их коллеги отличались подлинным интернационализмом, сочувствием ко всем угнетенным национальностям и трудовым слоям населения. Октябрьская революция создала условия для реализации их давних надежд и устремлений. Разумеется, и в этнографии, и в фольклористике XIX и начала XX в. действовали разные социальные силы и разнородные (иной раз политически противопоставленные друг другу) концепции². Однако демократическое крыло русского народоведения всегда оставалось наиболее влиятельным. Для российской этнографии не был, например, характерен разрыв способов и методов изучения господствующей национальности (русских или в целом восточных славян) и других народов, подобно тому как это имело место во многих западноевропейских странах. Прогрессивной этнографии было также совершенно чуждо деление народов на «исторические» и «неисторические». Не получили распространения и расистские взгляды. Среди этнографов XIX — начала XX в. было немало людей, ставших на путь борьбы с царизмом. Не случайно, например, блестящие достижения русского сибиреведения конца XIX — начала XX в. были связаны с деятельностью плеяды талантливых ученых, сосланных по политическим мотивам в отдаленные районы страны (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Д. А. Клеменц, А. А. Макаренко, В. М. Ионов, Э. К. Пекарский и др.). Значительную роль политические ссыльные сыграли и в изучении севернорусских районов (П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко, П. П. Чубинский,

¹ Настоящая статья не преследует историографической цели. Общие обзоры истории советской этнографии см.: *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. V. М., 1971; *Толстов С. П.* Сорок лет советской этнографии // *Сов. этнография*. 1957. № 5; *Периц А. И., Чебоксаров Н. Н.* Полвека советской этнографии // Там же. 1967. № 5; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Основные направления развития советской этнографии // *Этнография в странах социализма. Очерки развития науки*. М., 1975; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Ордена Дружбы народов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет // *Сов. этнография*. 1983. № 4; *Чистов К. В.* Из истории советской этнографии 30—80-х годов XX века // Там же. 1983. № 3 и др.

² *Токарев С. А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). М., 1978.

Н. А. Иваницкий и др.). Однако вплоть до Октябрьской революции этнографическая наука в России оставалась, как правило, делом либо одиночек-любителей, либо научных обществ, объединявших довольно узкий круг специалистов. Система государственных этнографических учреждений не получила развития, хотя для этого и были определенные предпосылки (например, серия академических экспедиций еще в XVIII в., наличие сильного отделения этнографии в составе Русского географического общества). В немногих находившихся на государственном содержании этнографических музеев научная работа велась в ограниченных масштабах. В университетах этнография почти не преподавалась³.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила условия развития этнографической науки в стране. Параллельно с государственными учреждениями и комиссиями развертывается широкая система краеведческих обществ. Однако уже в 20-е годы центр тяжести переносится на государственные научные учреждения и организации, которые постепенно укомплектовываются профессиональными этнографами, фольклористами, археологами. В Ленинграде активно развивает свою деятельность Музей антропологии и этнографии АН СССР. В 1919 г. в Москве основывается Музей Центрально-промышленной области и в 1924 г. — Государственный центральный музей народоведения, способствовавший консолидации этнографических кадров в Москве.

Закладывается прочная основа преподавания этнографии (в университетах Ленинграда и Москвы). Если еще в 1915 г. во время защиты Д. К. Зелениным магистерской диссертации, в которой органически сочеталась диалектологическая и этнографическая проблематика, мог обсуждаться вопрос о том, есть ли основания считать этнографию «академической» наукой, то уже к середине 1920-х годов этот вопрос мог бы показаться странным. Развитие науки в годы, последовавшие за революцией, решило его окончательно.

Однако в 1920-е г. еще заметно ощущалась острая нехватка подготовленных этнографов. Помимо Москвы и Ленинграда только в некоторых крупных городах РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, а также в Татарии, Мордовии уже в первое десятилетие после революции этнографы-профессионалы, музейные работники и исследователи, а также краеведы-любители с большим опытом могли включиться в деятельность возникшей системы советских научно-исследовательских учреждений. Создание многонациональной советской школы этнографии, объединенной общими задачами и общим пониманием общественной функции этнографии, было еще впереди. И все же мы вправе сказать, что стартовая ситуация для ее развития возникла уже в первые послереволюционные годы.

Октябрьская революция не только открыла возможности создания равноправного союза народов, основанного на взаимопомощи и понимании нужд и стремлений каждого народа, но и дала мощный толчок дальнейшим преобразованиям во всех сферах их экономической, политической, социальной и культурной жизни. Большую роль в этом процессе сыграли русские, оказывавшие систематическую помощь всем республикам и национальным областям и округам. Тысячи советских и партийных работников, рабочих, инженеров, учителей, преподавателей вузов, деятелей литературы и искусства помогали национальным республикам закладывать основы собственной экономики, административного аппарата, системы народного образования, профессионального искусства и литературы. Для народов, не имевших в прошлом письменности, были созданы алфавиты, соответствующие фонетическому строю языка, разработаны первые грамматики, написаны первые учебники, книги для чтения и т. п. В этой большой работе заметную роль сыграли этнографы, в том числе и молодые, прерывавшие учебу и отправлявшие-

³ Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971.

ся к «своим» народам, чтобы научиться их языку, дать его научное описание, разработать письменность, написать учебники. Нередко они же становились первыми учителями или культработниками. Одновременно они собирали уникальные материалы, характеризующие быт, обряды, верования, фольклор и искусство народов, среди которых жили. Впоследствии исследования, основанные на этих материалах, сыграли значительную роль в развитии целого ряда разделов этнографии, особенно сибиреведения⁴.

Некоторые народы Средней Азии, Кавказа и Поволжья и в дореволюционные годы пользовались письменностью, иногда очень древней. Однако она, как правило, была либо элитарной, либо построенной на чуждой языку графической основе (арабской и т. п.), в связи с чем возникала проблема демократизации письменности.

Общая задача — распространение грамотности и приобщение широких народных масс к достижениям профессиональной культуры — стояла перед всеми народами, даже наиболее развитыми, — русскими, украинцами, народами Прибалтики, грузинами, армянами и др.

Роль Октябрьской революции в развитии этих наций может быть хорошо показана на примере судьбы русской национальной культуры⁵. Известно, что после затяжного позднефеодального периода русская профессиональная культура, начиная с конца XVII — начала XVIII в. развивается чрезвычайно быстро. Ко второй половине XIX — началу XX в. она приобретает международный авторитет и влияние. Деятели русской науки и культуры — химики, физики, математики, биологи, писатели, композиторы, живописцы, скульпторы — отразили тот необычайный подъем, который переживала в это время русская общественная мысль. Ее высокая зрелость, прогрессивный и гуманный характер, конфликт с господствовавшей идеологией были прямым и косвенным отражением назревавших революций. Это и предопределило возможность открытого союза передовых деятелей науки и культуры с представителями движения за социальное и национальное освобождение народов старой России. В этом союзе определенную роль играли и этнографы, энергично изучавшие быт и традиционно-бытовую культуру, историю и этнокультурное развитие «инородцев», как презрительно назывались неславянские и неевропейские по происхождению народы на официальном языке царской России. При этом девизом передовой этнографии было пророчливое изречение А. И. Герцена: «Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать его, но освобождать нельзя»⁶.

Следует подчеркнуть также, что русская этнография XIX — начала XX в. занималась отнюдь не только народами России. Русские кругосветные путешествия XIX в. (с 1803 г.), плаванья в водах Мирового океана, горячая заинтересованность в судьбах славянских народов, бурное развитие востоковедения — все это предопределило интерес отечественных этнографов к народам зарубежной Азии, Америки, Африки, Австралии и Океании, хотя, может быть, и в меньшей степени, чем у английских, французских или немецких этнографов. Русская этнография не знала противопоставления науки, изучающей свой народ и «чужие» народы (типа немецкой *Volkskunde* и *Völkerkunde* или «антропологии» и «этнологии»). Исследования народов других стран и континентов преследовали, как правило, столь же гуманные и прогрессивные цели, как и изучение народов России. Блестящим примером в этом смысле может служить жизнь и деятельность великого русского путешественника и этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая (100 лет со дня смерти которого будет отмечаться в апреле 1988 г.), органически сочетавшего интерес к

⁴ *Антропова В. В.* Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)//Сов. этнография. 1971. № 6; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки...

⁵ Подробнее см. *Чистов К. В.* Важнейшие особенности русской культуры XIX—XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство//Народы Европейской части СССР. Т. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964.

⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах. Т. XVI. М., 1959. С. 77.

культуре народов Новой Гвинеи с непреклонной борьбой с расизмом и колониализмом. Недаром память о нем до сих пор жива в сознании жителей этого далекого от России острова⁷.

Этнография в России была одной из общественных наук, создавших интернационалистские традиции в нашей стране. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила интернационализм в неотъемлемое качество политики нового государства.

Высокие достижения русской науки, технической мысли, искусства и литературы в условиях царской России не могли оказывать непосредственного влияния на жизнь народа, в основной своей части неграмотного или малограмотного. Петербург, Москва и еще несколько городов, во многом не уступавшие крупнейшим городам тогдашней Европы, были окружены тысячами деревень, в которых еще в 80—90-х годах XIX в. были курные избы, архаическая агротехника. Многочисленные пережитки феодального периода, медленное развитие капиталистических отношений в русской деревне привели В. И. Ленина к выводу: русская деревня того времени страдала не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития.

Во второй половине XIX — начале XX в. структура русской национальной культуры была в высшей степени противоречивой. Россия являлась страной крупнейших достижений профессиональной культуры и одновременно одной из немногих европейских стран, сохранивших богатую архаичную фольклорную традицию, развитые художественные промыслы и ремесла.

К концу XIX — началу XX в. традициям народного искусства начинает угрожать гибель под напором капиталистических отношений, пагубного влияния рынка, псевдонародного модернизма, порождавшего эстетические химеры. Вместе с тем в условиях царской России нельзя было и думать о массовом приобщении народа к образованию, науке, литературе и профессиональному искусству. Уничтожить этот трагический разрыв смогли только социалистическая революция и последовавшие за ней социальные, экономические и культурно-бытовые преобразования, создавшие почву для формирования общенародной социалистической культуры, впитавшей достижения мирового искусства и литературы и вместе с тем богатейший опыт народной традиции. Массовый читатель, зритель, слушатель мог возникнуть только в ходе подлинной культурной революции, после массового приобщения народа к профессиональному искусству и литературе.

Социальные и экономические преобразования, последовавшие за Великой Октябрьской социалистической революцией, создали также условия для ликвидации разрыва между развитием научной и технической мысли и реализацией ее достижений. Только на этой почве могло сложиться новое соотношение между теорией и практикой, наукой и народным хозяйством и начаться процесс нарастающего проникновения науки во все области жизни народов СССР. В значительной мере ушли в прошлое культурная изолированность отдельных областей страны, сосредоточение культурных учреждений, ученых, писателей, художников, артистов в ограниченном числе городов, резкая неравномерность распределения культурных благ между отдельными классами и социальными слоями, наконец, типичное для старой России сочетание высоких достижений науки и профессиональной культуры с архаическими формами бытовой культуры. Достижения науки и профессиональной культуры стали подлинно народным достоянием. Процессы эти еще продолжают и далеки от своего завершения.

Революция открыла новые перспективы развития советской науки, в том числе — и особенно — общественных наук. Сильно изменилась и этнография — ее общественные функции, понимание целей, задач и даже

⁷ На Берегу Маклая (этнографические очерки). М., 1975; *Tumarkin D. D. N. Mikloucho-Maclay and New Guinea//N. Miklouho-Maclay. Travels to New Guinea. Diaries Letters. Documents. M., 1982. P. 5—56.*

самого предмета науки. Как уже говорилось, советская этнография всегда стремилась бережно сохранять и развивать демократические традиции передовой русской этнографии XIX — начала XX в. и исследовательский опыт практической деятельности 1920-х годов. Однако выяснилось, что этого недостаточно.

Изменение понимания предмета этнографии, ее общественных и познавательных функций зависело не только от спонтанного развития теоретических идей, хотя и таковое, разумеется, имело место. Как всякая другая общественная наука, этнография имеет дело с развивающимся объектом познания. Преобразования социальной действительности и связанная с этим динамика этнической, социальной и культурной ситуации не могли не повлечь за собой изменения предметной зоны науки, поскольку она стремилась к адекватному познанию действительности и к активному воздействию на нее. Этнография в России и в других странах Европы возникла как наука об экзотических народах или о быте так называемого простонародья, т. е. низших и для исследователей того времени экзотических слоев. С точки зрения стороннего наблюдателя это были издавна сложившиеся, неподвижные, замкнутые целостные системы культуры. Поэтому границы предметной зоны этнографии казались легко определяемыми и четкими.

Но уже во второй половине XIX в. стало постепенно выясняться, что традиционные системы культуры не столь непроницаемы; более того, целые комплексы, слои, сферы традиционной культуры начинают изживаться, уходят из жизни, забываются. Традиционные формы культуры или их элементы, разумеется, еще продолжали функционировать, но чем далее, тем все в большей и большей мере при нарастающей роли «нетрадиционных» форм или в сочетании с ними. С точки зрения культурно-исторической это был типичный переходный период. Не случайно именно в эти десятилетия сложилась концепция «живой старины» как основного предмета этнографии и фольклористики, взаимопроникающих и тесно родственных наук. Согласно этой концепции, этнография должна была заниматься либо так называемыми отсталыми народами, сохранившими в большей или меньшей мере в неприкосновенности архаические традиции повседневно-бытовой культуры, либо «пережитками» архаики в культуре «современных» народов. Подобные пережитки считались, наряду с историческими документами, важнейшими источниками реконструкции уже размытых или размывавшихся в процессе урбанизации систем традиционного быта. Следует сказать, что концепция «живой старины» была для своего времени прогрессивной и в научном отношении продуктивной. Многие ее последователи оставили значительный след не только в русской, но и в европейской этнографии в целом.

Вместе с тем сейчас нам особенно ясно, как и по какой причине она стала уже в 20-е годы восприниматься как устаревшая. Коренные изменения в социальной структуре советского общества на рубеже 1920-х и 1930-х годов, решительное ускорение процесса урбанизации, развивавшейся теперь на социалистической основе, поставили актуальность классических этнографических концепций под сомнение. Стало выясняться, что привычные методы уже не дают желаемых результатов (ср., например, работы о первых колхозах, о комсомоле 20-х годов и др.). Это должно было неизбежно привести к пересмотру понимания границ и сущности предмета этнографии как науки, к пересмотру ее предметной зоны, ее связей и отношений с другими, соседними и родственными науками. Этот процесс начался в предвоенные годы⁸ и стал давать свои ощутимые результаты к началу 70-х годов⁹.

⁸ Струве В. В. Советская этнография и ее перспективы//Советская этнография. II. М.; Л., 1939; Абрамзон С. М. Программа ближайших работ Института этнографии// Там же.

⁹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; его же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.

Этнография всегда была народоведением, наукой о народах, их происхождении и развитии, особенностях их культуры. В нашей стране этнические проблемы должны были оказаться в центре внимания этнографии.

Российское государство было издавна полиэтническим, но были регионы повышенной полиэтничности (Кавказ, Средняя Азия, Поволжье, крупнейшие города — Петербург, Москва, Тбилиси, Казань, Одесса и др.). При всей тщательности определения этнических территорий в процессе образования союзных и автономных республик, автономных областей, округов и т. д. (так называемого национального размежевания), в республиках Средней Азии все-таки не удалось избежать того, что определенные группы населения оказались вне «своих» республик. Индустриализация страны, формирование единой экономической системы, миграции, перераспределение трудовых ресурсов, возрастание доли этнически смешанных браков и т. п. на фоне общего процесса урбанизации повлекли за собой еще большее усложнение этнической структуры населения. В наши дни около 55 млн. человек, т. е. почти $\frac{1}{5}$ всего населения страны, живет вне «своих» республик: 33,6% армян, 22,8% таджиков, 19,3% казахов, 17,4% русских¹⁰.

Разумеется, особенно мозаичны в этническом отношении города, сильно выросшие за последние десятилетия (почти $\frac{3}{5}$ из них возникли после Великой Октябрьской социалистической революции), причем только с 1940 по 1986 г. численность городского населения страны увеличилась на 120 млн. человек, или почти в 3 раза. Изучение проблемы этнических контактов и современных этнических процессов привело к выводу, что именно город является социальной средой, в которой современные этнические процессы протекают особенно интенсивно. Между тем старая этнография не занималась городом. Изучение современных этнических и бытовых процессов, развивающихся в городе, стимулировало в свою очередь развитие исторической этнографии города. А последнее привело к пересмотру представлений о роли города и в формировании и развитии традиционной культуры этноса вообще¹¹. Она оказалась значительней, чем это представлялось ранее.

Все эти перемены как в самой действительности, так и в ее научной интерпретации стимулировали в последние 15—20 лет интенсивную разработку в советской этнографии теории этноса как основного объекта этнографической науки¹². Это было тем более важно, что в 60-е годы в нашей стране начали бурно развиваться конкретные социологические исследования. В результате оказалось, что на изучение многих сфер общественной жизни, традиционно считавшихся у нас доменом этнографов, наряду с ними претендуют и социологи. Разработка теории этноса позволила уточнить собственно этнографический подход к изучению социальной жизни — рассмотрение ее (в отличие от конкретной социологии) сквозь призму этнической специфики. Поскольку же основным носителем таковой является традиционно-бытовая культура, она и составляет ядро предметной области этнографической науки. Вместе с тем известно, что выявление этнической специфики этносов-народов возможно лишь при их сопоставлении. Поэтому советские этнографы особое значение в последнее время придают сравнительно-типологическим исследованиям¹³. При этом они следуют «этнографической заповеди»: «Тот кто знает один народ, не знает ни одного народа».

¹⁰ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 148.

¹¹ См. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 362.

¹² Токарев С. А. Проблема этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)//Вопр. философии. 1964. № 11; Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; *его же*. Очерки теории этноса. М., 1983; *его же*. Теоретическая этнография. М., 1984 (на англ. яз.); *его же*. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

¹³ О принципах этих исследований см. Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

Разумеется, изучение этносов не сводится лишь к выявлению этнического своеобразия. Как известно, специфическое, особенное неразрывно связано с общим. Поэтому этнографическая наука способна выявлять и общие, закономерные черты в этнической истории человечества. Это, в частности, весьма наглядно проявилось при этнографическом изучении истории первобытного общества. Проявляя к ней особый интерес, поскольку социальная жизнь первобытных этносов отличается традиционностью, советские этнографы значительное внимание уделяют реконструкции древнейшей истории человечества¹⁴.

Разработка теории этноса имела немалое значение и для понимания общих закономерностей этнической истории человечества. Хотя термин «этнос» и производные от него «этногенез», «этническая общность», «этнические процессы», «этнические признаки» и т. п. давно уже были в научном обиходе, как уже говорилось, назрела острая необходимость в теоретическом осмыслении природы этнических общностей¹⁵ и их отличия от других видов социальных общностей, их типологии, соотношения собственно этнического и этносоциального (национального), механизма и типологии этнических процессов, изучения факторов, их стимулирующих, и, наконец, типологии этнических и этнокультурных ситуаций¹⁶. При этом были четко выделены три важнейшие стадии этнических процессов: *этногенез*, т. е. первоначальная стадия формирования этноса, возникновение этнического самосознания, этнонима и т. д.; *этническая история* — история развития этноса, изменение его основных параметров (гомогенность внутренней структуры, изменение этнической территории, развитие контактов с другими этносами, состояние этнического самосознания и т. д.)¹⁷, *современные этнические процессы*. Если проблемы этногенеза начали усиленно разрабатываться в предвоенные и особенно в первые послевоенные годы, то этнической истории тогда не уделялось достаточного внимания. Между тем глубокое и всестороннее знание этнической истории чрезвычайно важно не только само по себе, но и для понимания многих особенностей современных этнических процессов. Разработка этих проблем¹⁸ важна и для развития процесса консолидации современных наций (так как осознание единства происхождения — один из важнейших элементов этнического самосознания), и особенно для активного преодоления всякого рода национальных предрассудков и предубеждений, бытующих подчас и в наши дни.

Современная теория этноса и изучение проблем этнической истории неизменно приводят к выводу, что любая современная нация, народность или этническая группа есть историческое образование. Особенности культуры, языка, самосознания этноса не заложены генетически, они всегда результат исторического развития. Любая этническая общность не существовала извечно, она когда-то возникла в результате процесса этнической дифференциации или интеграции. Нам известны этнические общности, сформировавшиеся очень давно, сравнительно недавно и даже формирующиеся в наши дни. Однако время возникновения не делает их ни хуже, ни лучше. Все человечество участвует и всегда участвовало в едином историческом процессе. Вместе с тем каждая этническая общность переживала свою историю по-своему. Общие

¹⁴ См., например, История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

¹⁵ Вообще следует заметить, что в последнее время советские этнографы уделяют значительное внимание разработке теоретических, методологических вопросов своей науки, в том числе совершенствованию ее понятийного аппарата. Особенно показательна в этом отношении подготовка совместно с этнографами ГДР «Свода основных понятий и терминов этнографической науки» в 10 выпусках. Вышел первый выпуск: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

¹⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; *его же*. Современные проблемы этнографии; *его же*. Очерки теории этноса.

¹⁷ Среди последних наиболее значительных работ по этнической истории, подготовленных советскими этнографами, следует отметить коллективный труд «Этнография восточных славян» (М., 1987).

¹⁸ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

закономерности всегда были вариабельны. «Выбор» того или иного варианта зависел от множества конкретных факторов — природной среды, в которой складывалась и развивалась конкретная этническая общность, характера хозяйственных занятий, формировавших определенную систему жизнеобеспечения, темпа исторического развития, особенностей расселения, численности этноса, механизма контактов с другими этносами, процессов миграции, ассимиляции, развития той или иной социальной структуры, конфессиональной принадлежности, особенностей языка и многих других.

Экономическое, социальное и политическое развитие того или иного района земного шара выдвигало на авансцену истории то один, то другой народ, но это зависело не от его особенной даровитости или «богоизбранности», а от вполне конкретных исторических обстоятельств. То же можно было бы сказать и о ценности различных этнических культур. Нет народа, который не создал бы своей культуры, наиболее целесообразной и наиболее ценной для тех условий, в которых он существовал.

Теоретическая разработка этнической проблематики позволила не только разграничить предметные области этнографии и конкретной социологии, но и способствовала возникновению на их стыке этнической социологии. Перед ней поставлена задача, с одной стороны, изучать особенности этнических изменений в различных социальных группах, с другой — выяснить своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов. Наряду с анализом общих данных об экономическом, социально-классовом и культурном развитии республик и рассмотрением их взаимодействия этносоциология занимается также выяснением хода этнических процессов в различных социальных и национальных группах в отдельных республиках и того, как преломляются те или иные этнические факторы в сознании этих групп. Необходимую информацию дает проведение специальных массовых анкетных обследований с последующей обработкой их материалов на ЭВМ.

Одним из первых шагов в этом направлении явились исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР¹⁹. Затем было осуществлено аналогичное исследование в более широких масштабах с целью углубления наших представлений об этнических аспектах процессов развития и сближения наций в СССР. В рамках этой общей программы в 1970—1980-х годах проводились массовые опросы населения в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане и ряде автономных республик и областей РСФСР. Главная их задача — раскрыть конкретный механизм диалектической взаимосвязи двух основных тенденций национальных процессов развития и сближения наций в СССР на современном этапе развития социализма²⁰.

Для понимания сути происшедших в СССР за семь десятилетий после Октября этносоциальных и национальных процессов необходимо напомнить, что, как уже говорилось, новое государство, возникшее в результате Великой Октябрьской социалистической революции, получило от царской России тяжелое наследие. Острейшие национальные проблемы осложнялись экономической отсталостью и застойностью, социальным гнетом и нежеланием царского правительства признать равное право для всех народов России на будущее. Политика насильственной ассимиляции и препятствия, которые постоянно воздвигались на пути развития образования и культуры на национальных языках, не могли не вызывать протеста и стимулировали формирование национально-освободительного движения. Правительство обнаруживало прямую заинтересованность в сохранении отсталости «инородцев», надеясь на то, что это облегчит управление ими, превратит национальные окраины в колониальные придатки России.

¹⁹ Социальное и национальное. М., 1973.

²⁰ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984. Результаты исследования обобщены в коллективной монографии: «Социально-культурный облик советских наций». М., 1986.

Великая Октябрьская социалистическая революция разрубила этот гордиев узел, но это не означало, что новая система национальных отношений уже создана. Ее еще предстояло создать.

С тех пор пройден путь длиной в семь десятилетий. Достижения советской страны в сфере национальных отношений велики и достаточно известны. За прошедшие со времен Великой Октябрьской социалистической революции годы созданы не только условия для подлинного равноправия народов, но и реальное равноправие как в политическом и социальном, так и в экономическом и культурном отношениях. Итоги этого сложного процесса подвел М. С. Горбачев в «Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС»: «Для Советского многонационального государства огромное значение имеет развитие национальных отношений. Основы решения национального вопроса в нашей стране заложила Великая Октябрьская социалистическая революция. Опираясь на учение В. И. Ленина, завоевания социализма, Коммунистическая партия проделала гигантскую преобразующую работу в этой области. Ее результаты — выдающееся завоевание социализма, обогатившее мировую цивилизацию. Раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов. Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»²¹.

Реальные достижения ленинской национальной политики, возникновение межнациональных отношений нового типа свидетельствуют о том, что национальный вопрос, в том виде, в каком он достался нам в наследство от царской России, действительно разрешен окончательно и бесповоротно.

Но это вовсе не значит, что в сфере национальных взаимоотношений нет больше никаких проблем. Более того, это вовсе не значит, что существующие проблемы и противоречия имеют только пережиточный характер. Среди людей, принадлежащих к активно действующим ныне поколениям даже 60-летние родились только к концу 1920-х годов. Они учились в советской школе, и их мировоззрение складывалось в 30—40-е годы под воздействием советской действительности, пронизанной идеями интернационализма. Казалось бы, никаких проблем больше не должно возникать. Однако это далеко не так. Жизнь сложнее и противоречивее любой благодушной утопии.

Наши нации, народности и этнические группы развивались не в тепличных условиях, и наш грандиозный по своей исторической значимости социальный эксперимент совершался отнюдь не в лаборатории.

Семидесятилетний путь, пройденный страной после Великой Октябрьской социалистической революции, был вовсе не безоблачным. Он был трудным, подчас даже трагически трудным: затянувшаяся гражданская война и борьба с военной интервенцией, в которой участвовали все наиболее значительные капиталистические государства — США, Англия, Франция, Германия, Япония, постоянная военная угроза в 20-е и 30-е годы, Великая Отечественная война, которая потребовала максимального напряжения сил и принесла неисчислимые бедствия нашему народу. Послевоенные трудности, необходимость восстановления экономики, разрушенных городов и сел, колоссальные человеческие потери, осложнявшие период восстановления народного хозяйства, необходимость в послевоенные годы поддерживать обороноспособность страны на определенном уровне. Все эти и многие другие обстоятельства далеко не всегда способствовали спокойному, научно обоснованному и последовательному решению ряда социальных и политических проблем, в том числе и национальных.

²¹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 года. М., 1986. С. 66—67.

Но, разумеется, прежде всего надо иметь в виду действие объективных закономерностей. Развитие народов и расцвет национальных культур сопровождались вместе с тем сближением народов, интернационализацией их культуры, созданием специфического слоя общесоветской культуры, развитием национально-русского двуязычия и других своеобразных явлений, о которых неоднократно писалось и в специальной, и в популярной литературе. Вместе с тем столь же объективной закономерностью была позитивная, а при определенных обстоятельствах и негативная реакция на процесс интернационализации. Мы знаем в современном мире множество примеров сочетания процесса интернационализации с противодействием ему в самых различных формах. Это можно наблюдать и в капиталистических, и в социалистических, и в развивающихся странах. Разумеется, эти формы различны, как различно и само содержание конкретных социальных, культурных и этнических ситуаций. Однако не следует думать, что у нас сфера национальных отношений лишена противоречий. Опыт показал, что здесь могут возникать проблемы и даже конфликты, особенно там, где подгоняют или, наоборот, притормаживают естественно развивающиеся процессы, где имеют место отступления от принципов интернационализма, социальной справедливости и делают попытки использовать национальный фактор для получения тех или иных привилегий.

Разумеется, в этой сфере весьма важную роль играет и субъективный фактор. Целый ряд ошибок 30—50-х годов, да и более позднего времени, еще предстоит преодолевать и исправлять. Волюнтаристские решения важнейших кадровых вопросов, неумелое бюрократическое руководство различными сферами культуры — от школ до литературы, кино и театров породили проблемы, которые, возможно, могли бы и не возникать. При этом, конечно, надо иметь в виду, что наше национальное строительство не имело никаких заранее отработанных образцов, на которые можно было бы безошибочно ориентироваться, приходилось в любом случае искать новые формы, зачастую путем проб и ошибок. Теоретически можно было предугадать только общее направление развития, сформулировать его цель. Между тем в определенные годы и теоретическое изучение этих важнейших проблем и их практическое разрешение приобретало застойный характер. Повторение общих истин, воспевание достижений подлинных и мнимых в духе заздравных тостов заслонило всестороннее и реалистическое изучение национальных проблем во всей их сложности и противоречивости.

В силу всего этого разработка национальной проблематики нуждается в новых подходах, в новом мышлении. В частности, важнейшее значение в методологическом отношении приобретает задача раскрытия противоречий в развитии национальных отношений при социализме и вместе с тем показа их неантагонистического характера. При этом необходимо четко разграничивать противоречия и деформации, негативные явления в данной сфере. Противоречия, как известно, присущи всякому развитию, не лишены их и национальные процессы в СССР. Деформации же в области национальных отношений, разраставшиеся подчас до конфликтов, отнюдь не фатальны при социализме. В значительной мере они обусловлены нарушением принципов интернационализма, социальной справедливости и демократизма. Поэтому для дальнейшего гармоничного развития национальных отношений в СССР первостепенное значение приобретает осуществляемое ныне КПСС революционное обновление советского общества: ускорение его социально-экономического развития, перестройка общественной жизни, расширение демократии. При этом, разумеется, необходимо постоянно помнить, что такого рода преобразования осуществляются в многонациональной стране. Отсюда в свою очередь следует, что ключ к новым успехам в национальной политике — в последовательном интернационализме. А он немыслим без гласности. Не случайно в последнее время развернулось широкое обсуждение нашей ответственностью национальную проблематику. При всей многогранности такого рода дискуссий их стержень в конечном

счете составляет вопрос о соотношении национального и интернационального в жизни нашего общества. Правда, подчас это и не осознается. Более того, в ходе дискуссий акцентируется, к сожалению, нередко одна сторона проблемы — развитие национального. Такой односторонний подход (а иной раз он граничит с признанием исключительности «своей» национальности) вызван прежде всего забвением диалектического характера национальных процессов при социализме — присущего им единства двух начал: развития и сближения национальностей. И процесс этот должен развиваться естественно, как без преднамеренного ускорения, так и без искусственного сдерживания каждой из его диалектически взаимосвязанных сторон.

Из сказанного следует, что этническая проблематика, которая оценивалась как крайне актуальная и составляющая ядро предметной области этнографии уже с первых лет революции, претерпела весьма значительные изменения в своей структуре и содержании. Однако современный процесс перестройки, охвативший все стороны социалистической действительности и познающую ее науку, является прямым продолжением Октябрьской социалистической революции и дальнейшим развитием ее традиций. Поэтому и советская этнография наших дней призвана развивать традиции этнографии первых послереволюционных лет с учетом всех происшедших за минувшие десятилетия изменений²².

Этнический аспект национальных, социальных, экономических и культурных проблем ныне считается важнейшей сферой этнографических исследований. В этом смысле можно говорить о двух важнейших функциях этнографии в наши дни и в нынешней ситуации. Первая из них — наращивание историко-этнографических знаний (от первобытности до недавнего прошлого) и активное использование их для пропаганды материалистических взглядов на историю человечества и, что не менее важно, для воспитания интернационализма — уважения к культуре и традициям всех народов, умения постигать психологию, обычаи, обряды, фольклор, народное искусство и этические воззрения не только своего, но и других народов. В этой сфере необходимо продуманное сочетание популярной литературы²³ (включая назревшее обогащение школьных и вузовских учебников этнографическими знаниями) и музейной пропаганды. Этнография, несомненно, принадлежит к числу наук, способных увести пропаганду интернационализма от риторики и схематических лозунгов к подлинным знаниям, которые должны лежать в основе мировоззрения каждого члена социалистического общества.

И вторая важнейшая функция — этнографическое и этносоциальное исследование современных национальных проблем в их реальной сложности и противоречивости, соответствующей современному этапу развития советского общества и демократической гласности, развивающейся в наши дни. Несомненно, что сейчас сложились благоприятные условия для успешного выполнения этой ответственной общественной функции. Советские этнографы прекрасно сознают необходимость систематической подготовки научных разработок для практических организаций, ориентируя их как на текущие, так и на долгосрочные управленческие задачи. Научно обоснованный прогноз должен лечь в основу социально-этнического планирования и практической деятельности соответствующих государственных органов. Вместе с тем важная задача советских этнографов — изучение современных этнических процессов в зарубежных странах²⁴.

Этнические установки, этническое сознание, этнические взаимоотношения проявляются прежде всего в обыденном поведении людей, в традициях, в культуре каждого этноса или, иначе, в его традиционно-быто-

²² Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии.

²³ См., например, 20-томную географо-этнографическую серию «Страны и народы». М., 1978—1985.

²⁴ Итоги этих исследований подводятся в коллективной монографии «Этнические процессы в современном мире». М., 1987.

вой культуре. Именно поэтому, как уже говорилось, традиционно-бытовая культура — признанное ядро предметной области современной советской этнографии. К изучению этого круга проблем этнография обратилась с первых десятилетий своего существования. Этнографы и фольклористы XIX в. имели дела прежде всего с размывающейся уже тогда архаической традиционной бытовой культурой крестьянства либо с бытовой культурой скотоводов, таежных охотников, морских рыболовов и т. д., тоже начавшей размываться, но все-таки функционировавшей еще как целостная культура. Ускорение процесса урбанизации к концу XIX в., «раскрестьянивание крестьянства», о котором писал В. И. Ленин или, иначе, изживание архаических традиций способствовало не только созданию концепции «живой старины», о которой мы уже говорили, но и формированию представления о существовании «традиционных» и «нетрадиционных» обществ. Народы России в соответствии с этим представлением либо находились на стадии перехода от первого ко второму, либо оставались еще в основном «традиционными» (народы Сибири, в значительной мере народы Средней Азии и Кавказа).

Коренное переустройство быта народов СССР в процессе строительства социализма сопровождалось весьма интенсивной урбанизацией и решительной переориентировкой негородских жителей на так называемые городские, т. е. современные формы бытовой культуры. Бурно развивавшиеся процессы способствовали на первых порах упрочению противопоставления «традиционное/нетрадиционное», за которым неизменно стояло соотнесение прошлого с настоящим, дореволюционного состояния с послереволюционным процессом.

Однако опыт многочисленных работ о «культуре и быте» народа до и после Великой Октябрьской социалистической революции показал, что новое общество также создает и должно создавать новые традиции, при изучении которых основное внимание следует обращать на их социальное содержание, темпы возникновения и смену отдельных форм, механизм их распространения и функционирования. Новая трактовка понятия «традиция» повлекла за собой дифференциацию традиций архаических и современных, этнических и локальных, повела к динамическому пониманию типологии традиций, возникавших в различные эпохи человеческой истории, к необходимости вычленения категорий стабильности и вариативности. Она потребовала фронтального пересмотра теории традиции, без которого невозможно дальнейшее развитие этнографии, фольклористики, общей теории культуры и целого ряда смежных наук — лингвистики, искусствоведения и др.

Таким образом, если традиция как таковая была и остается одной из важнейших проблем этнографии, то вслед за изменением механизма традиции и ее социального содержания, характерного для социалистического общества, должно было измениться и теоретическое понимание этого сегмента предметной области этнографии²⁵.

При изучении традиции, в том числе и этнической, этнография не только соприкасается, но и пересекается и активно взаимодействует с историей и теорией культуры.

Известно, что изучение различных сфер и форм культуры сильно разветвилось и специализировалось. Это — и литературоведение, и искусствоведение, изучающие профессиональные формы искусства, и театроведение и киноведение и др. Единая история культуры распалась на ряд самостоятельных и недостаточно активно взаимодействующих друг с другом разделов. При этом массовые, бытовые формы культуры и бытовое функционирование профессиональных форм продолжает изучать этнография, так же как в 1930—50-е годы она занималась проблемами конкретной социологии современности, которая в ту пору не выделилась в отдельную науку. Без изучения этих форм культуры этнография не может решать свои коренные этнические и этнокультурные проблемы.

²⁵ См. дискуссию по статье Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции» // Сов. этнография. 1981. № 2—3.

Вместе с тем, поскольку в условиях урбанизации исчезновение многих элементов традиционно-бытовой культуры (особенно материальной) приобретает лавинообразный характер, их фиксации советские этнографы уделяют существенное внимание. Одна из важных форм такой фиксации — историко-этнографические атласы²⁶. Вообще процесс интернационализации культуры имеет как позитивные стороны, так и издержки. Не случайно в наши дни эти и подобные проблемы столь бурно обсуждаются на страницах печати (судьбы народных ремесел и промыслов и в целом народного искусства, фольклора и специально музыкального фольклора, так называемой авторской песни, рок-групп и ВИА, проблема соотношения старых и новых обрядов и многое другое). Как журналистов, так и читателей тревожит судьба традиции и ее обновления, приобретений и потерь, которыми оно сопровождается. Административный подход к этим и подобным вопросам нередко отодвигал их решение на неопределенные сроки, приводил к запретам новаций, которые все равно пробивали себе дорогу, причем нередко приобретали при этом деформированные и уродливые формы. Одним словом, и в этой области у этнографии много весьма ответственных задач: накопление знаний и пропаганда всего ценного в народных традициях, с одной стороны, и внимательное и непредвзятое изучение современных процессов и явлений, с другой.

Итак, Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубокое и всестороннее влияние на развитие этнографической науки в СССР. Демократические преобразования (политические, социальные, экономические) создали благоприятные условия для развития традиций передовой российской этнографии XIX — начала XX в. Коренное преобразование социальной действительности, решение национального вопроса, каким он достался Советскому государству в наследство от царской России, и создание новой системы национальных взаимоотношений, равноправие и всестороннее сотрудничество и сближение наций и народностей изменило само существо национальных проблем, с которыми мы теперь имеем дело. Все это оказало решающее влияние на развитие советской этнографии и поставило перед ней новые и сложные задачи, решение которых не могло не сопровождаться пересмотром важнейших теоретических проблем и исследовательских методов этнографии. Столь же значительно было влияние Великой Октябрьской революции и последовавших за ней революционных преобразований в культурно-бытовой и этнокультурной сфере, изучением которой была занята этнография.

70-летие Октября советская этнография встречает значительно лучше вооруженная теоретически и практически, чем это было два-три десятилетия тому назад. Современный процесс перестройки будет способствовать дальнейшему ее развитию, активизации ее познавательных и общественных функций. Задачи, стоящие перед ней, сложны, как сложен и весь процесс перестройки в целом²⁷. Вместе с тем решение их необходимо, оно требует значительного напряжения сил, мобилизации всего наличного научного потенциала, создания новых организационных форм, которые будут способствовать адекватному решению актуальных проблем изучения как бесценного наследия народной культуры, так и современной действительности.

²⁶ См., например: Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вып. 1. Земледелие. Вильнюс, 1985; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вып. 2. Одежда. Рига, 1986.

²⁷ См. Советская этнография в условиях перестройки // Сов. этнография. 1987. № 4.